

Фамилии отдельного селения как отражение ономастического континуума

В статье проводится анализ фамилий как знаков истории, культуры и языка, бытующих в отдельном населенном пункте на протяжении XIX–XX века; устанавливается зависимость их состава, этимологических и структурных характеристик от экстралингвистических социокультурных факторов, определяющих состав носителей этих фамилий; делается вывод о специфике проявления ономастического континуума в региональном антропонимиконе.

Ключевые слова: фамилии, динамика состава, этимология, структура, преемственность именовании,

Известно, что современное состояние именных систем – это результат их длительного развития, представляющего собой своеобразный ономастический континуум, то есть именную непрерывность. В какой мере справедливо это утверждение для антропонимов конкретного селения? Можно ли рассматривать как проявление ономастического континуума фамилии отдельного населенного пункта?

Очевидно, да. Фамилии считаются достаточно «консервативным» классом антропонимов, так как они показывают взаимоотношения отцов и детей, предков и потомков и объективно характеризуются преемственностью. Эта преемственность также может выступать в структурном составе, словообразовательных моделях и типах, в семантике фамилий и быть обусловленной интралингвистическими факторами. Вместе с тем необходимо вести речь о региональной специфике антропонимов названного вида, так как в фамилиях отдельного населенного пункта отражаются культурно-исторические условия его развития.

Развитие фамилий отдельного населенного пункта проходит не только по вертикали, но включает и многочисленные разнонаправленные влияния на определенных синхронных срезах, обусловленные внешними факторами. Чем сложнее и богаче история селения, тем более спорным в отношении местного ономастикона является общеизвестное утверждение о стабильности, устойчивости и древности фамилий как особого лексического пласта.

Высказанное предположение подтверждает история фамилий деревни Вулька Лавская Пинского района Брестской области. Биография моей малой родины насчитывает около трехсот столетий, берет начало от XVIII века и включает множество событий и перемен. В разное время эта небольшая деревенька была частью Речи Посполитой, Российского государства, Польши, СССР и Беларуси. По преданию, она возникла как вольное поселение на землях, дарованных одним из магнатов Речи Посполитой своему эконому, по фамилии Марцинкевич, за спасение от гибели: верный слуга предупредил своего господина о готовящемся на его жизнь покушении (по другим сведениям, в роли спасителя выступил повар, поскольку речь шла об отравлении ядом). Господин даровал Марцинкевичу дворянское звание, а также обширные лесные и пахотные угодья, где и было основано новое вольное селение Вулька. Позже у названия *Вулька* возникло приложение *Лавская*, потому что на восток от селения высилась *лава* могучего древнего бора (микротопоним *Лавы* сохраняется в речи жителей деревни до сих пор и называет поля, рядом с которыми находился этот древний лес, вырубленный и выкорчеванный только немногим более полувека назад).

В истории и культуре деревни, в характере и обычаях ее жителей, в их языке и профессиональной принадлежности, в именах и прозвищах причудливо переплетается исконное и заимствованное, старое и новое, непреходящее и временное. Все это отражается и в фамилиях воленцев (таким было и сохраняется до сих пор исконное самоназвание жителей деревни, производное от польского *Wólka*, хотя современные справочники рекомендуют использовать слово *вульковцы* [4, с. 31]). Число воленцев в разное время колебалось – от 330 человек в 70-е годы XX в., когда деревня отстроилась после войны и постоянно пополнялась переселенцами с ближайших хуторов, до 42 жителей в наши дни, когда в маленьких деревнях особенно выразительно проявились негативные следствия урбанизации. Однако, несмотря на относительную малочисленность, фамилии жителей нашей деревни, как принадлежащие жителям деревни в наши дни, так и существующие на моей памяти, или известные из расспросов старожилов, или обнаруженные в специальной литературе, или сохраняющиеся на протяжении почти двух столетий в надписях на захоронениях местного кладбища, представляют собой материал, интересный для ономастических исследований во многих аспектах. Это фамилии, типичные для поляков, белорусов, украинцев и русских, так как на антропонимиконе воленцев сказываются разные условия его функционирования в разные периоды истории заселения деревни и в разных социокультурных условиях.

Как следует из состава и формы древнейших фамилий воленцев, исконно деревня была населена католиками. Основателем ее, как уже сказано, был некто *Марцинкевич* или его предок по имени *Мартин*, поэтому названная фамилия сохраняется в деревне до сих пор. Сложно сказать однозначно, когда и где именно прозвание предка легло в основу фамилии *Марцинкевич*, передаваемой по наследству, так как процесс формирования родовых имен длился столетиями. Однако предположение о том, что этот предок был католиком и поляком, подсказывается не только топонимом Вулька в польской огласовке (*Wólka* – от *воля*), но может быть обосновано в результате анализа этимологии фамилии *Марцинкевич*, ее графико-фонетической формы и морфемной структуры. Хотя А.В. Суперанская считала неправомерным выяснение ономастической этимологии для фамилий, поскольку они образуются от других имен, которые в свою очередь имеют собствен-

ную этимологию [5, с. 81], но даже выявление производящего имени в основе фамилии в данном случае информативно. Фамилия основателей и владельцев деревни мотивирована личным именем римско-латинского происхождения *Мартин* (от лат. *Martius*), характерным для католического именника. Кроме того, имя в основе имеет польско-белорусскую огласовку – *Marcin* (на месте полумягкого [т] выступает [ц']). По-особому показательна и гипокористическая форма производящей основы – *Marcinek*. Во-первых, такая форма типична для польского языка. Во-вторых, следует принять во внимание, что *Марцинкевичи* – потомки человека, находящегося на службе у более знатных лиц, а последние могли именовать его именно *Marcinek* – со снисходительным оттенком. Фамилии, образованные от полной формы имени, изначально принадлежали в основном социальной верхушке, в отличие от других сословий, звавшихся, как правило, уменьшительными, производными, обиходными именами.

В отношении к ономастикону рассматриваемого населенного пункта фамилию Марцинкевич можно квалифицировать как постоянный и также как «множественный» антропоним, – так исследователи называют «имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком» [1, с. 39]. Эту фамилию носили многие из жителей нашей деревни на протяжении всей ее истории. Так, в конце XIX века, согласно данным историко-документальной хроники Пинского района, в число коренных жителей Вульки Лавской входили *Елена, Яков, Иван, Владислав, Викентий, Доминик, Эмилия, Николай, Эдвард и Флориан Марцинкевичи*. В середине XX в. число Марцинкевичей стало еще большим, потому что обладателями этой фамилии были *Павел, Петр, Василий, Алексей, Семен, Степан, Феофан, Доминик, Казимир*, а также их многочисленные сыновья с семьями и дочери [Хроника, с. 576]. (Казимир). Поскольку эти прозвища в большинстве своем были дериватами от древних, ныне непопулярных форм имени, то в отличие от фамилии вполне обеспечивали идентификацию каждого из принадлежавших. Заметим, что многочисленность носителей одинаковой фамилии обусловила сужение ее использования в идентификационной функции: фамилия употреблялась только в официальной сфере, а в обыденном общении замещалась прозвищами посессивного характера, образованными от неофициальных имен глав рода, обычно деда или отца (*Павцеёвы* ← *Павце* (Павел Марцинкевич), *Пётрусёвы* ← *Пётрус* (Пётр Марцинкевич), *Базёвы / Базиковы* ← *Базё / Базик* (Василий), *Фанёвы* ← *Фанё* (Феофан), *Ветовы* ← *Вето* (Вячеслав), *Домиёвы* ← *Домце* (Доминик), *Олесеы* ← *Олесь* (Александр), *Вацеёвы* ← *Ваце* (Вацлав), *Казёвы* ← *Казё* к той или иной семье на протяжении трех поколений. Это были семейные прозвища, образовавшие новую подсистему в региональном ономастиконе вследствие «множественности» фамилии. Образование семейных прозвищ можно рассматривать как специфическую черту ономастического континуума в населенном пункте, где фамилия не только передается от предка потомку на протяжении десятиков лет и даже столетий, но и носит «множественный» характер.

На местном кладбище многолетняя история фамилии *Марцинкевич* запечатлена в могильных эпитафиях, на древнейших из которых значатся даты начала XIX века (*Доминик Марцинкевич* (1825–1898); *Михалина Марцинкевич* (1845–1895) и др.), а на последних – 2013 г. В настоящее время фамилию *Марцинкевич* носит только одна из жительниц Вульки – невестка *Павла Марцинкевича Регина Люциановна (Павцеёва)*.

Старинные захоронения Марцинкевичей представляют собой чугунные надгробья с фигурами католических святых, с типичными для католиков эпитафиями, например: «*Prosi o pozdrowienie anielskie*», что лишний раз подтверждает конфессиональную принадлежность основателей деревни к католикам, а историю деревни относит ко временам Речи Посполитой. Между тем, в XX в. уже почти все Марцинкевичи, живущие в деревне (кроме семьи Казимира Марцинкевича), исповедовали православие, хотя их быт и речь несли отчетливый отпечаток польского языка и «панской» культуры и быта. Вступать в браки они тоже предпочитали всегда с состоятельными соседями-католиками или – чуть позже – с Марцинкевичами, находящимися уже в достаточно отдаленном родстве. Жители окрестных селений вплоть до начала нового тысячелетия по-прежнему называли Марцинкевичей «пане волене», правда, с известной долей иронии. Перейти в православие Марцинкевичам, как вспоминали старожилы, пришлось поневоле: так они были вынуждены приспосабливаться к новой власти, когда их деревня и владения оказались в составе Российской империи.

Появление в ономастиконе деревни других фамилий относится к начальному периоду ее истории и связано, прежде всего, с браками между потомками Марцинкевичей и представителями иных семей. Это были носители фамилий и имен преимущественно из польского ономастикона: *Ивинские* – *Адам, Бронислав, Ян, Фелиция, Янина*; *Лесневские* – *Стах, Ванда, Ирена, Ядвига, Эмма* и т.п. Польские имена и фамилии донесли до потомков и древнейшие захоронения, не принадлежащие Марцинкевичам: *Ромуальд Ястржембский* (1828–1892), *Юзефа Матерковска* (1878–1946).

С начала XIX в. в ономастикон Вульки Лавской вошла фамилия *Линкевич*, носители которой купили землю у владельцев Вульки, поселились на ней, а впоследствии породнились с Марцинкевичами. Потомок Линкевичей, доктор экономики Казимир Ленкевич, ныне проживающий в Варшаве, в частной переписке сообщил мне, что его прадед *Иосиф Францишек Ленкевич* родился в деревне Вулька в 1857 г., а в архивных метрических записях о его крещении названы имена *Каролины* и *Флориана Марцинкевичей* как его крестных родителей.

В окрестностях Вульки селились и крестьяне (в конце XIX в. здесь насчитывалось 38 крестьянских дворов [3, с. 576]), однако, в отличие от усадеб Лесневских и Линкевичей, их дома располагались вне дворянской части селения, на отшибе. В ономастиконе Вульки Лавской крестьяне были представлены фамилиями *Хоровец, Цеван, Кибак, Бондарчук, Шестакович, Лешошко, Середич, Андриевич, Макарина*, большая часть из

которых в настоящее время шире распространена в окрестных населенных пунктах (Заборовцы, Хворосно, Валище), но по-прежнему известна в нашей деревне.

В 20-е годы XX века, когда Вулька Лавская стала частью Полесского воеводства и оказалась в составе Польши, землю у Марцинкевичей стали покупать и представители белорусской, пинской шляхты, переселенцы из-за Припяти. Так в ономастиконе деревни появились фамилии *Полховский* (Григорий Полховский поселился в километре от деревни в 1919 г.) *Шоломицкий* (мой дед по материнской линии в 1928 г. купил хутор Малевицкий рядом с Вулькой). Тогда же, «при Польше», на Вульке (а у нас говорят только так) и в ее окрестностях жили семьи поляков *Турчинского*, *Лобачевского*, *Телятицкого*, *Файверского*, *Чижицкого*, *Имажинского*, *Сирацкого*, *Заёнца*, *Стояков*, *Юхневича*, *Добродоя*, *Колодея*. После воссоединения Западной и Восточной Беларуси эти фамилии ушли из местного антропонимикона, потому что их носители либо выехали в Польшу, либо были раскулачены и депортированы. Однако как продолжение этих фамилий возникли некоторые микропонимы, например *Лобач* (место усадьбы Лобачевского), *Зайцовъ* (место, где некогда жил Заёнец), урочище *Полхувских* (бывшие владения и усадьба дружной и трудолюбивой семьи Полховских, в 1941 г. сосланных в Сибирь).

Такая же судьба ожидала и состоятельных Марцинкевичей, которые, как вспоминают их потомки, тоже значились в списках на раскулачивание и фактически «сидели на узлах», готовые к высылке. Но вмешалась война, и ситуация изменилась. Логишинский район, в составе которого находилась Вулька Лавская, был оккупирован фашистами с 25 июня 1941 г. по 6 июля 1944 г. [3, с. 236]. Ее жители в полной мере испытали тяготы военного времени: тревогу за близких на фронте, бомбежки, мародерство, голод, смерть. Не вернулся с фронта Иван Лемешевский, оставив сиротами сына и четырех дочерей. Накануне освобождения, 5 июля 1944 г. были расстреляны схваченные немцами заложники, среди которых оказались три женщины из «Олесевох» и «Костусевох» Марцинкевичей: Н.А. Марцинкевич, С.К. Ивинская и ее сестра Я.К. Марцинкевич. Тогда же деревня Вулька Лавская за сотрудничество с партизанами была почти целиком сожжена фашистами: из 23 довоенных дворов уцелело только четыре, расположенные поодаль от деревни, на хуторе Абиссиния (там жили Марцинкевичи из «Пётрусевых» и «Базиковых»).

Многие из воленцев, активно включившиеся в партизанскую борьбу, после освобождения родных мест ушли на фронт с регулярной армией, чтобы вернуться с победой, с боевыми наградами. Среди них были *Марцинкевичи* (Павел Павлович, его жена Софья Ильинична, их дочь Раиса, награжденные орденами Отечественной войны), *Бондарчуки* (Петр Федорович, кавалер трех орденов Славы; Нина Васильевна); *Линкевич*, *Цеван*, *Середич* [3, с. 317] и др.

Отстраивалась Вулька Лавская на прежнем месте уже после Победы. Однако новые фамилии в деревне появлялись и в годы войны – с приходом беженцев из России (*Ланя* (Прасковья) *Губич*, ставшая женой Семена Марцинкевича; *Иван Тарасенко*, *Никифор Тарасенко* и его пятеро детей), и позже, когда с образованием колхоза в деревню съезжались жители окрестных хуторов (*Королевич*, *Лемешевские*, *Христюк*), появлялись переселенцы из Украины (*Шадура*), из ближних и дальних деревень (*Пригодич*, *Янцевиц*, *Прусский*, *Богатко*, *Деньковец*, *Олехнович*, *Юнчик* и др.). В последние полвека в местном ономастиконе новые фамилии единичны (*Булыга*, *Басалай*, *Волосюк*, *Третьяк*, *Головка*), их носители появились в деревне, как правило, вследствие заключения браков с местными жителями. Только одна фамилия возникла непосредственно в ономастиконе Вульки – это фамилия сыновей, внуков и дочери Никифора Тарасенко, которые сейчас носят новую фамилию – *Тарасенковы*.

Непрерывность развития ономастикона подтверждается не только фактами «живучести» фамилий во времени, не только их способностью продуцировать семейные прозвища, микропонимы и даже новые фамилии, но и связью фамилий нашей деревни с другими, ранее существующими антропонимами и топонимами, обусловленной внутрилингвистическими факторами.

В составе фамилий воленцев и обитателей окрестных хуторов, приписанных к ней, отмечены разные структурные модели с разной семантикой. Прежде всего, это типичные для славянского, в том числе старобелорусского антропонимикона образования на *-ович*, *-евич*, *-ич* (*Марцинкевич*, *Андриевич*, *Королевич*, *Середич* и т.п.). Они восходят к групповым патронимам, которые, как известно, считаются зародышами современных отчеств и патронимических фамилий и представляют собой вид антропонима, образованный от имени отца или более далекого предка именуемого и служащий для его непрямого (косвенного) именованья через имя другого человека [3, с. 108].

Во-вторых, в разное время в ономастиконе Вульки Лавской были также распространены фамилии на *-ский* / *-цкий*: *Богинская*, *Ивинский*, *Козубовский*, *Лемешевский*, *Лесневский*, *Лобачевский*, *Ножинский*, *Полховский*, *Прусский*, *Турчинский*, *Файферский*, *Ястжембский*, *Сирацкий*, *Телятицкий*, *Чижицкий*, *Шоломицкий*. Они имеют разную этимологию и восходят к разным языкам. Исконно фамилии на *-ский* / *-цкий* были характерны для представителей боярства и дворянства, которые получали такие фамилии по названиям своих поместий, наследственных владений, княжеств и уделов. Наследственные фамилии передавались, как символ территориальной власти, от отца к сыну. Так, *Телятицкий* был владельцем фольварка *Телятичи*. В еще большей мере связь между ними выступает в тех случаях, когда фамилии производны от ойконимов на *-ичи*, которые в свою очередь, были производны от патронимов [5, с. 57]. Именная непрерывность здесь выступает особенно отчетливо. В антропонимиконе Вульки Лавской носителями фамилий, мотивированных топонимами, являются *Шоломицкие*, *Лемешевские*, *Полховские* – переселенцы из деревень *Шоломичи*, *Лемешевичи*, *Полхово*.

В ономастиконе Вульки Лавской на протяжении XX в. спорадически фиксировались и фамилии с формантом *-ук / -юк / -чук*, предположительно имеющие значение 'сын такого-то': *Волосюк, Борисюк, Бондарчук*. Близость к украинским землям обусловила функционирование имен на *-ко*, типичных для украинского языка (*Головко, Ловошко, Бонько, Богатко*), а также на *-ец* (*Деньковец* и *Хоровец*). Русские фамилии на *-ов / -ев*, а также на *-ин* для воленского ономастикона нетипичны: это производная от *Тарасенко* фамилия *Тарасенков*, а также отмечавшиеся в довоенное время фамилии *Вакулин, Крупин*, об истории появления которых ничего не известно.

Фамилии служат подтверждением ономастического континуума прежде всего потому, что они выступают продолжением ономастической системы предыдущих периодов, поскольку мотивированы личными именами собственными разного происхождения. Некоторая часть фамилий сохраняет память о самых древних неканонических именах: славянских языческих: *Шестакович* ← *Шестак* (шестой ребенок в семье); *Третьяк* (третий ребенок), или славянских тотемных – в разной огласовке (*Щур, Заёнци*), или об именах-прозвищах, которые в языке славян могли закрепляться в функции фамилии в исходном виде (*Булыга, Добродей*), но чаще становились производящей основой для новых фамилий (*Королевич* ← *Король, Линкевич* ← *Линок* (от названия рыбы *лινь*); *Середич* ← *Середа* и др.).

Интересны фамилии нашей деревни, производные от канонических имен собственных (*Андронович* ← *Андрон, Ефимович* ← *Ефим; Борисюк* ← *Борис; Тарасенко* ← *Тарас*), иногда имеющие специфическую диалектную огласовку (*Андриевич* ← *Андрій*). Некоторые из фамилий при этом доносят информацию об устаревших гипокористических формах, известных восточным славянам в далеком прошлом: *Олехнович* ← *Олехно* (простонародная форма имен *Алексей* или *Александр*), *Юхневич* ← *Юхно* (форма имени *Юрий*, функционирующая среди людей простого сословия); или свойственных народной белорусской речи (*Петрукович* ← *Петрук*), или сохраняющих приметы польского языка (*Янцевич* ← *Янко; Марцинкевич* ← *Марцинек*).

Заметим, что названные модели таких родовых именовании сложились не одновременно. Для украинских и белорусских фамилий, которые начали образовываться столетием раньше русских, уже в XVI веке были возможны семейные именовании без оформления каким-либо специальным суффиксом. Однако к началу XVII века большинство фамилий образовывалось прибавлением к основе – имени или прозвищу отца – суффиксов *-ов/-ев*, которые впоследствии могли осложняться суффиксом *-ич*: постепенно ставшим типичным показателем старобелорусских фамилий: *Ефимович, Олехнович, Марцинкевич*. Если производящее имя оканчивалось на *-а*, то суффикс *ич* прибавлялся непосредственно к основе: *Середич* ← *Середа, Пригодич* ← *Пригода, Губич* ← *Губа*.

Подводя итоги, скажем, что фамилии отдельного населенного пункта, как и фамилии в целом, представляют собой, с одной стороны, отдельное поле и самостоятельную систему, но, с другой стороны, как ретроспективно, так и в перспективе они неразрывно связаны с другими онимами и ономастической системой в целом. Особенно выразительно и многообразно эти связи выступают в ономастиконе конкретного селения, если его история продолжительна и насыщена значимыми историко-культурными событиями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
2. Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Пінскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 624 с.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
4. Рапановіч, Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці / Я. Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 176 с.
5. Суперанская, А. В. и др. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов; отв. ред. А.П. Непокупный – Изд-е 2-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.